

S. MANSOURI. Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.). Paris: Tallandier, 2011. 187 p.

В наши дни перед учеными-антиковедами (особенно на Западе) чаще, чем когда-либо раньше, ставится задача писать как можно более актуально, по возможности соотносить тематику своих работ с реалиями современности¹. В наибольшей степени сказанное относится к истории классических, демократических Афин, о которых далее и пойдет речь. Есть специалисты, воспринимающие подобную установку с нескрываемым энтузиазмом. Среди них в первую очередь следует назвать, бесспорно, Дж. Обера, который убежден в том, что исследование предшествующих эпох только тогда имеет смысл, когда оно может предложить некоторые непосредственные «уроки», что прошлое *per se* не имеет никакого особенного значения и что ценностные суждения при его анализе обязательны². Соответственно, он подвергает достаточно жесткой критике тех коллег, которые этим принципам не следуют.

Остаются, с другой стороны, и историки античности (в основном старшего поколения, – например, П. Родс, М. Хансен), продолжающие работать во вполне академичном ключе и без восторга относящиеся к перспективе чрезмерного «осовременивания» антиковедческих штудий, чего они и не скрывают, полемизируя с Обером и в целом с представляемой им тенденцией³. Однако тенденция эта, несомненно, набирает силу. И рецензируемая здесь монография «Афины глазами своих метеков»⁴ (V–IV вв. до н.э.) написана всецело в ее русле. Она даже несколько политизирована, что мы в дальнейшем и увидим.

Хорошо известно, что одна из серьезных проблем, стоящих ныне перед государствами западного мира, – проблема мигрантов. Едва ли не в наибольшей степени с нею сталкивается Франция. И, очевидно, не случайно именно в этой стране появилась последняя по времени книга, посвященная феномену метеков, которые в значительной мере представляют собой аналог современным мигрантам. Символичен уже тот факт, что автор работы, Сабер Мансури, – француз арабского этнического происхождения, иными словами, тоже в некотором роде «метеки». Впрочем, нет, пожалуй, такая параллель здесь вряд ли уместна: ведь С. Мансури, несомненно, является полноправным французским гражданином, в отличие от афинских метеков, ущемленных в правовом отношении.

В краткой аннотации на задней стороне обложки этот ученый охарактеризован как «ученик Пьера Видаль-Накэ, эллинист и арабист». Указано, что ранее у него вышло две книги (обе в 2010 г.): «Афинская демократия: дело рук бездельников?» и «Конфискованный ислам: манифест для освобожденно-го подданного». Признаться, данное обстоятельство нас несколько насторожило. Когда один и тот же человек в одно и то же время занимается столь далекими друг от друга сюжетами, не означает ли это, что он поверхностно подходит к проблематике своих исследований и что нас ожидает не научный анализ, а скорее некая эссеистика, не привносящая ничего принципиально нового в постижение изучаемых вопросов? Впрочем, справедливости ради нельзя не заметить, что и сам П. Видаль-Накэ отличался большой широтой своих интересов: у него, помимо трудов по античности, имелись работы и о «деле Дрейфуса», и об эволюции представлений об Атлантиде вплоть до наших дней⁵.

В связи со сказанным сразу оговорим, что прочтение рецензируемой монографии С. Мансури оставило двойственное впечатление. С одной стороны, опасения относительно того, что придется столкнуться с писаниями дилетанта, к счастью, не подтвердились. Книга имеет вполне научный характер, изложение построено на работе с источниками, выводы в целом вытекают из фактологического материала и его анализа, автор не позволяет себе произвольных фантазий. С другой же сто-

¹ О чем нам уже доводилось писать: Суриков 2008. Разумеется, не мы первыми обратили внимание на эту тенденцию. Она исследуется, например, практически на всем протяжении прекрасной книги: Rhodes 2003.

² Эта линия чрезвычайно последовательно проводится Обером на протяжении уже нескольких десятилетий и в той или иной мере отражена во всех его работах, которые весьма многочисленны (и уже поэтому нет смысла давать на них исчерпывающие ссылки, ограничимся лишь монографиями: Ober 1989; 1998; 1999; 2008). Но, пожалуй, наиболее ярко он изложил свои взгляды в эмоциональной заметке: Ober 2009.

³ См., в частности: Hansen 1989, 263–269; Rhodes 2003, 43 f., 60 f.

⁴ Именно так: «своих метеков». О причинах подобной акцентировки см. ниже.

⁵ Книга П. Видаль-Накэ об Атлантиде недавно вышла в русском переводе, с послесловием, написанным нашим безвременно ушедшим из жизни коллегой Ю.Н. Литвиненко. Почему-то фамилию французского ученого издателя транслитерировали непривычным образом: Видаль-Наке 2012.

роны, определенная поверхностность подхода все-таки, на наш взгляд, ощущается. Впрочем, может быть, это и неизбежно, когда такая серьезная, многогранная тема, как жизнь афинских метеков и их отношение к принявшему их полису, рассматривается в работе довольно-таки небольшого объема (текст как таковой занимает менее полутора сотен страниц не очень большого формата)? Возможно, – но, думается, дело не только в этом.

Обратим внимание, в частности, на то, как С. Мансури работает с предшествующей историографией вопроса. Основные исследования учтены, в этом плане придаться не к чему. Однако зачастую – именно что только *учтены*, но не использованы в должной мере. В высшей степени характерный пример: лучшее на сегодняшний день исследование о метеках, принадлежащее перу Д. Уайтхеда⁶, причем вышедшее не столь уж и давно, единожды упоминается в историографическом пассаже во введении (с. 35), а в дальнейшем, в основной части книги, мы не найдем *ни одной* ссылки на него. Совершенно проигнорирована, кстати, самая новая монография о метеках, опубликованная в 2003 г.⁷ Зато автор постоянно, из раза в раз, апеллирует к совсем старой, аж позапрошлого века, работе М. Клерка⁸ и опирается по большей части именно на ее данные. Это, не скроем, удивляет.

Еще одна бросающаяся в глаза черта рецензируемой монографии – весьма пространное введение и заключение. И в том и в другом – по 30 страниц, и они превосходят по размеру каждую из четырех глав, располагающихся между ними (в главах соответственно 26, 12, 14 и 28 страниц). Это означает, что автору больше нравится ставить вопросы и предлагать ответы, нежели аргументировать. Аргументация в книге чаще подменяется частыми и объемными цитатами из источников и исследовательской литературы.

Нелюбовь к аргументации – это, в общем-то, принципиальная (и сознательно культивируемая) черта постмодернистского направления в гуманитарных науках. И родиной этого направления является Франция, и в ней же оно получило наибольшее распространение (придя в конце концов и в антиковедение). Нелегко в наши дни встретить книгу по исторической проблематике, написанную на французском языке и притом свободную от постмодернистских влияний. Не избежал их, разумеется, и С. Мансури. Его книга предваряется двумя эпиграфами (с. 15); первый взят из Аристофана, а автор второй цитаты, – само собой, Деррида (куда ж без него?).

Чрезвычайно распространенным приемом у постмодернистов в филологии и истории (не только античной) является деконструкция⁹. Считается, что с ее помощью и тексты, и даже самые факты освобождаются от «шелухи» риторических и идеологизированных наслоений, выросших на них в течение последующего времени и мешающих их правильному восприятию, так сказать, «во всей чистоте». На самом деле – на наш личный взгляд – посредством этой процедуры просто на смену одним мифам приводятся другие, не менее субъективные. Ведь ясно, что в рамках постмодернистской парадигмы превалирует тенденция к переносу в системе субъект-объектных связей акцента на субъект¹⁰.

Вот и автор рецензируемой книги уже во введении заявляет (с. 37): «Наша цель заключается в том, чтобы деконструировать и объявить неверным представление о метеке как homo eponomicus по преимуществу...». Впрочем, следует заметить, что в целом наш автор скорее просто декларирует свою приверженность постмодернизму, чем реально практикует эту систему взглядов.

Такая категория, как homo eponomicus (термин принадлежит М. Веберу), упомянута чуть выше отнюдь не случайно. С. Мансури начинает с того, что характеризует традиционный, устоявшийся взгляд на метеков, восходящий еще к весьма авторитетным античным авторам – Платону, Аристотелю. Для Платона это – «перелетные птицы. Большинство таких людей действительно словно перелетают море: они занимаются торговлей ради обогащения и слетаются в другие государства, пользуясь благоприятным временем года» (Plat. Legg. XII. 952e). Аристотель, со своей стороны, уподобляет метеков несовершеннолетним детям и недееспособным старцам – в том плане, что все они не располагают полной гражданской прав (Arist. Pol. III. 1275a7 sqq.)¹¹.

⁶ Whitehead 1977.

⁷ Adak 2003. Кстати, имеется занятая корреляция со случаем Мансури: Мустафа Адак – турецкий ученый, получивший образование в Германии и книгу свою написавший в период своего пребывания там.

⁸ Clerc 1893.

⁹ О деконструкции в историко-филологических науках как таковой см. Щербенок 2005. Образчики применения (достаточно талантливого) деконструкционистских методик к различным сюжетам, связанным с античной Грецией, см. (чисто *exempli gratia*): Nagy 2003; 2010; Irwin 2005.

¹⁰ Rhodes 2003, 14 ff.; Суриков 2008, 349.

¹¹ У Мансури ссылки в обоих случаях неточны. Он вообще в этом плане не отличается аккуратностью.

Одним словом, вырисовывается картина неких людей, которые поглощены исключительно экономическими интересами и, в общем-то, думают лишь о наживе, в государство, где они поселились, инкорпорироваться не желают (да и оно не желает их ассимилировать), никак себя с этим государством не ассоциируют и т.д. Именно подобного рода картину и хочет развенчать С. Мансури. Не случайно он и книгу назвал «Афины глазами своих метеков»: его намерение – показать, что метеки были для Афин именно *своими*, не чужими.

Суждениям Платона и Аристотеля автор противопоставляет один пассаж из «Птиц» Аристофана (Aristoph. Av. 1344 sq.), к которому он возвращается снова и снова (именно эта цитата взята и в эпиграф, о котором уже говорилось). К Писфетеру и Евелпиду, основывающим птичий город, приходит некий чужеземец, желающий в этом городе поселиться. «...Я с вами жить хочу, я очарован вашими законами», – заявляет он.

С точки зрения С. Мансури, вот это-то и есть истинная позиция «доброе метека» (С. 73). Но полно, так ли это? Продиктованное деконструкционистскими влияниями стремление рассматривать фразы вне контекста сыграло здесь с ученым злую шутку. Почитаем-ка дальше комедию «Птицы». Писфетер спрашивает чужеземца, какими именно законами птичьего города тот очарован. И слышит в ответ:

Да всеми. Но, пожалуй, тем особенно,

Что разрешает бить, кусать, щипать отца.

Вот так «добрый метека»! Совершенно ясно, что для Аристофана это отрицательный персонаж. Не говорим уж о том, что привлекать данные аристофановских комедий для обоснования того или иного тезиса, связанного с реалиями афинской жизни, и в принципе нужно только с большой осторожностью, всегда памятуя о том, что эти пьесы – источник весьма специфический, отображающий действительность в чрезвычайно гротескном виде, представляющий зрителям некий «мир наизнанку»¹². Если пытаться вычитывать из них информацию буквально, то придем, например, к выводу, что в начале IV в. до н.э. в Афинах имела место попытка женского государственного переворота (комедия «Женщины в народном собрании») и т.п.

Хорошо известно, что афинские метеки были по сравнению с гражданами ущемлены в правовом отношении. Они не имели каких бы то ни было политических прав, а также и прав имущественных (включая право приобретать в собственность недвижимость). Каждый метека был обязан выбрать для себя кого-либо из граждан в качестве простата – покровителя, который, с одной стороны, защищал его интересы (например, в суде, если метека оказывался вовлечен в какую-нибудь тяжбу), а с другой – отвечал за поведение своего подопечного. В отличие от членов гражданского коллектива, не плативших регулярного прямого налога, на метеков таковой налагался (*μετοίκιον*). Всё это неоспоримые факты, и С. Мансури вынужден констатировать их (с. 21 слл.). Тем не менее он хочет продемонстрировать, что роль метеков в жизни афинского полиса была большей, чем обычно считается, и на всем протяжении своей монографии делает это.

Относительно небольшой размер книги заставляет автора выбирать из обширной тематики, связанной с метеками, отдельные аспекты и сосредоточиваться на них, а другие оставлять в тени. Так, он лишь мимоходом затрагивает вопрос о происхождении статуса метека: «В Афинах статус метека поступательно оформлялся в первой половине V века, вместе с определением статуса гражданина» (С. 21). Заметим здесь, что недавно появилась интересная (и спорная) работа¹³, в которой высказывается мысль о том, что в первой половине V в. до н.э. статус метека вообще еще не существовал и чужеземцы, переселившиеся в этот период в Афины, сразу зачислялись в граждане. Лишь с принятием закона Перикла 451/450 г. до н.э., ужесточившего критерии гражданства, возникла необходимость в юридическом оформлении отдельного сословия постоянно живущих в Аттике неграждан. Эта работа, очевидно, оказалась недоступной С. Мансури.

Первая глава рецензируемой работы озаглавлена «Воевать, но не голосовать: метеки как неполные участники политического процесса» (С. 47–72). В ней настойчиво подчеркивается то обстоятельство, что в Афинах метеки подлежали призыву на военную службу, в том числе даже в качестве гоплитов. Это приводит автора к далеко идущему выводу о том, что нельзя проводить четкую грань между гражданином, homo politicus, тесно связанным с судьбой своего полиса, и метеком, homo economicus, от полиса совершенно отчужденным. Ведь война в античности была неотъемлемой частью политической жизни. Стало быть, метеки были хотя бы таким образом интегрированы в политику.

Тезис о тесной связи войны и политогенеза в полисном мире вполне верен¹⁴, и сам факт воинской обязанности афинских метеков, бесспорно, интересен и важен. Но, на наш взгляд, С. Мансури все-

¹² Ср. Суриков 2012а, 186.

¹³ Watson 2010.

¹⁴ Суриков 2012б.

таки чрезмерно преувеличивает его значение. В реальности метеки привлекались к службе в армии не так уж и часто (в основном – в наиболее экстренных ситуациях, когда каждый лишний солдат был ценен), и на них возлагались не самые ответственные задачи. Так, в начале Пелопоннесской войны метекам-гоплитам поручалось охранять городские стены наряду с гоплитами, набранными из граждан юношеского и пожилого возраста (Thuc. II. 13. 6). А к делам, что были серьезнее и опаснее, привлекались воины из граждан средних лет, считавшиеся наиболее боеспособными.

Далее, можно припомнить, что в некоторых (еще более редких) случаях мобилизовались даже и рабы (наиболее хрестоматийный пример – Марафонская битва 490 г. до н.э.¹⁵). Означает ли это, что и рабы были (хотя бы в минимальной степени) интегрированы в политику? Не думаем. Наконец, самое важное. Что, собственно, давало метекам их участие в военных действиях? Ровно никаких преимуществ они от этого не получали, их правовое положение со временем не улучшалось. В данном плане даже нарушался один из базовых принципов, на которых зиждилась вся модель полисного типа государственности, – принцип соответствия, корреляции роли индивида или социального слоя в военной организации с его ролью в политической организации. Применительно к метекам эта корреляция не работала.

Бесспорно, производит сильное впечатление то активное участие, которое метеки приняли в свержении «Тридцати тиранов» в 403 г. до н.э. Понятно, что С. Мансури акцентирует этот эпизод в максимальной степени, поскольку для него он является одним из самых весомых доказательств того, что метекам были небезразличны Афины и афинская демократия. Однако обязаны ли мы считать, что они включились в борьбу именно по идейным мотивам? Есть, как нам представляется, более очевидное объяснение. Режим «Тридцати» был репрессивным в принципе, но с особенной силой государственный террор обрушился именно на метеков. Многие состоятельные лица из их числа были казнены без вины и суда – единственно ради того, чтобы конфисковать их имущество в казну. Кому не памятна трагичная история чудом спасшегося Лисия и его убитого брата Полемарха? В подобных условиях уже простой инстинкт самосохранения должен был толкать метеков (а бедных среди них не было, иначе они не жили бы в Афинах) на сопротивление столь враждебному по отношению к ним правительству. Для них это был вопрос жизни и смерти, а не идеологических предпочтений.

И опять же, даже проявленный метеками при ликвидации олигархии героизм мало что им принес: афиняне отнюдь не были склонны отблагодарить их в подобающей степени. Хотя Фрасибул внес законопроект о предоставлении гражданских прав всем метекам, сражавшимся на стороне демократов, в конечном счете в состав граждан были включены в лучшем случае лишь несколько человек, участвовавших в кампании с самого начала, а остальных наградили только иотелией (см. в сопоставлении: Arist. Ath. pol. 40. 2 и IG. II². 10).

С. Мансури также приводит примеры предоставления гражданства отдельным метекам на протяжении V–IV вв. до н.э., обильно цитирует соответствующие псефисмы. Но ведь характерен уже сам тот факт, что каждый такой случай является частным, обусловленным теми или иными «благодеяниями», оказанными афинскому полису данным конкретным лицом. Обобщения здесь неуместны: натурализация метеков в индивидуальном порядке никак не влияла на положение этой группы в целом.

В рецензируемой книге обращается внимание еще и на то, что на афинских общественных строительных работах (например при возведении Эрехтейона) метеки трудились рука об руку с гражданами. Да, это имело место; причем, заметим, тут же присутствовали и рабы¹⁶. С.М. Эпштейн, специально изучавший интересующий нас здесь вопрос, пришел к выводу, что «значительное число этих метеков прибывало на относительно краткий срок, привлеченное перспективой заработка в Афинах»¹⁷. Это лучше укладывается в традиционную концепцию метека как *homo eponomicus*, нежели в ту систему взглядов, которую предлагает нам С. Мансури. Подытоживая, констатируем: даже все приводимые автором аргументы в совокупности не убеждают в том, что метеков следует признавать участниками политического процесса, пусть даже и «неполными».

На первой главе рассматриваемой монографии мы сознательно остановились особенно подробно, поскольку, как нам показалось, именно в ней французский ученый высказывает свои наиболее принципиальные идеи. О дальнейших главах будем говорить более кратко.

¹⁵ Кстати, интересно, что в связи с Марафоном метеки не упоминаются. Косвенное свидетельство в пользу того, что этого статуса в начале V в. до н.э. действительно еще не было?

¹⁶ См. к проблеме: Эпштейн 2009; Epstein 2010. Досадно, что С. Мансури не знаком с работами С.М. Эпштейна. Мы понимаем, что его статья, опубликованная в ВДИ, могла быть недоступна французскому ученому в силу «языкового барьера». Но Эпштейн излагал свои взгляды и по-английски.

¹⁷ Epstein 2010, 1.

Вторая глава очень невелика (с. 73–83). Она называется «“Хорошие” и “плохие” афинские метеки» и, в сущности, являет собой неохотную уступку автору фактам. Здесь Мансури волей-неволей признает, что сословие метеков не было чем-то единым и наряду с теми его представителями, которые проливали свою кровь в тяжелую годину власти «Тридцати» или, допустим, оказывали полису существенную материальную помощь в период финансовых затруднений и т.п., встречались в числе этого сословия и те («метеки-злодеи», как называет их автор, с. 79), которые всегда готовы были обратить зло для Афин в благо для себя. Тут, конечно, не обходится без упоминания знаменитых хлебных торговцев, против которых со всей страстью написана XXII речь Лисия (метека же!). «Ваши несчастья так приятно им видеть, что иногда о них они узнают раньше всех, а иногда и сами их сочиняют... Вражда их дошла до того, что они в удобный момент нападают на вас, как неприятели. Когда вы более всего нуждаетесь в хлебе, они вырывают его у вас из рта¹⁸...» (Lys. XXII. 14–15). Автор рецензируемой работы вынужден процитировать эти знаменательные строки (с. 81–82).

Перейдем к третьей главе – «Жить вместе с гражданами и разделять¹⁹ с ними неформальное политическое пространство – агору» (с. 85–98). Здесь опять с ходу выдается тезис, на первый взгляд представляющийся свежим и заслуживающим всяческого внимания. А именно: и Платон, и Аристотель в своих проектах по созданию образцового полиса настаивают на том, чтобы в таковом наилучшем государстве было две агоры, четко отграниченных друг от друга: «политическая» (или «свободная») агора, где проходят народные собрания и в целом развертывается общественная жизнь полиса, и «экономическая» агора, где кипит торговля. Первая – удел граждан, вторая – удел метеков. Но в Афинах, подчеркивает С. Мансури, такого разделения не наблюдалось! Была только одна агора, где граждане и метеки постоянно пересекались. И метеки тем самым косвенно участвовали в политической жизни, получали политическое воспитание (с. 96).

Да, на афинской агоре и в окрестных переулках находилось колоссальное количество лавок, цирюлен и тому подобных заведений, которые, кстати, зачастую выполняли роль своеобразных «клубов», мест, где встречались и общались афиняне. В одной любил сиживать Сократ с учениками²⁰, в других собирались на неформальные сходки члены тех или иных сельских демов Аттики (Lys. XXIII. 3)²¹... И хозяевами подобных заведений были чаще всего действительно метеки.

Однако С. Мансури не учел одного чрезвычайно важного нюанса. На самом деле в Афинах уже в первой половине V в. до н.э.²² фактически появилась отдельная «политическая агора» (хотя официально она так и не называлась). Речь идет о Пниксе, где был сооружен епископий. Народное собрание заседало отныне, как правило, именно там. Случались, конечно, редкие исключения – сбор епископии в каком-нибудь другом месте, например, в театре Диониса (после празднования Великих Дионисий и, так сказать, для подведения их итога) или даже в Пирее (если рассматривался вопрос о состоянии верфей и нужно было их осмотреть). Однажды, в 411 г. до н.э., епископия была созвана в пригородном деме Колоне (Thuc. VIII. 67. 2); это сделали олигархи, именно на этом заседании осуществившие «переворот Четырехсот»²³. Но вот на агоре начиная (как минимум) с 450-х годов до н.э. народное собрание больше не собиралось. Единственным исключением были остракофории²⁴, но они проводились не чаще раза в год, а в норме – гораздо реже (к тому же как раз на время остракофорий торгующих метеков с агоры, полагаем, уж точно прогоняли – чтобы «не путались под ногами»). А что касается Пникса – попробовал бы метек появиться там во время собрания! Он моментально попал бы под суд по обвинению в незаконном присвоении гражданских прав, и его в лучшем случае ждала бы продажа в рабство.

Но, с другой стороны, автор совершенно прав, когда указывает в этой главе, что метеки в Афинах не подвергались какой-либо сегрегации. Им не предписывалось селиться в каких-то специально предназначенных для них кварталах, не создавалось чего-либо похожего на резервации или гетто.

¹⁸ Именно в IV в. до н.э. (а не в V в., вопреки распространенному мнению) Афины стали по-настоящему нуждаться в привозном зерне (Garnsey 1989, 131 ff.). Этим, разумеется, с готовностью воспользовались метеки-спекулянты.

¹⁹ В русском переводе это накопление инфинитивов в заголовках глав, понятно, несколько угнетает. Приходится примириться с тем, что таков французский обычай.

²⁰ Лавка сапожника Симона. См. Buitron-Oliver, Camp 1993, 123 ff. (с иллюстрациями раскопок).

²¹ Суриков 2005, 33. Прим. 88.

²² Точная датировка неясна. Даты колеблются от времени Клисфена (рубеж VI–V вв. до н.э.) до 450-х годов до н.э.

²³ В связи с мотивациями олигархов в данном случае см. Taylor 2002.

²⁴ О них подробнее см. Суриков 2006.

Метеки жили где угодно, по своему усмотрению, и, разумеется, постоянно общались с гражданами²⁵, в том числе – едва ли не в первую очередь – на агоре. Но можно ли называть это «политическим участием», как делает автор рецензируемой книги? Для нас это далеко не факт. Полагаем, афинская политика была интересна метекам ровно в той степени, в какой она затрагивала их лично. Иного не приходится и ожидать от лиц, не являющихся гражданами и ввиду этого ощущающих свою полную невозможность влиять на принятие каких бы то ни было решений²⁶.

В последней, четвертой главе «Афины глазами Лисия: интеллектуал-демократ, мыслитель и историк афинской демократии» (с. 99–126) С. Мансури обращается к фигуре одного из самых знаменитых метеков. Эту главу мы читали с особенным интересом. Следует отметить: если автор на протяжении всей книги говорит где-то воистину новое слово, то именно здесь. Лисий как крупнейший идеолог древнегреческой демократии? Признаться, раньше такая мысль нам даже и в голову не приходила. Да и не только нам, а кажется, никому. Синтия Фаррар, автор наиболее авторитетной на сегодняшний день книги по данному вопросу («Происхождение демократического мышления») ²⁷, решая вопрос о ведущих демократических мыслителях в классической Греции, называет три имени: Протагор, Демокрит и Фукидид (причем последний, как представляется, явно «притянут за уши» к когорте «убежденных демократов»²⁸). Как видим, Лисий в этом списке не фигурирует.

А между тем, если задуматься, Мансури во многом прав. Приводя многочисленные выдержки из речей Лисия, он убеждает (действительно убеждает!) в том, что этот оратор заслужил право считаться видным мыслителем, идеологом. Причем направленность его мысли – однозначно демократическая (французский антиковед ссылается прежде всего на «Речь о том, что не должно уничтожать унаследованный от отцов государственный строй в Афинах» – *Lys. XXXIV*). Так в теории. На практике, впрочем, мы все-таки не стали бы преувеличивать принципиальность Лисия. Что ни говорить, он являлся логографом и в этом качестве должен был не в последнюю очередь ориентироваться на защиту интересов клиента²⁹, который заплатил ему деньги. А среди его клиентов могли попадаться, например, и такие лица, как Мантифей (*Lys. XVI*), знатный и состоятельный молодой афинянин, уж точно не из числа «ревностных демократов» (во время тревожных событий 404–403 годов до н.э. он отсиживался в Пантикапее)³⁰, и тем не менее Лисий взялся его защищать, – несомненно, ради гонора. Не стали бы мы называть этого автора и историком: имеющееся у него изложение афинских событий конца V в. до н.э. (в речах XII и XIII) тенденциозно до чрезвычайности.

С другой стороны, С. Мансури в своем роде прав, характеризуя Лисия как «модель идеального метека» (с. 106). Но, подчеркнем, именно идеального, а не типичного. Не сомневаемся, что таких метеков, как Лисий, – высокообразованных, обладающих выраженным политическим темпераментом, очень патриотично настроенных по отношению к своей «новой родине», – было в Афинах лишь незначительное меньшинство. Собственно, применительно к Лисию можно даже говорить о целой «идеальной семье метеков». Мансури справедливо напоминает (с. 104 слл.), с какой теплотой и симпатией пишет об отце Лисия Кефале, друге и собеседнике Сократа, Платон (в «Государстве») – тот самый Платон, который в другом месте, как мы видели, назвал метеков «перелетными птицами».

Впрочем, не можем не заметить, что и Лисий однажды отправился в «перелет»: около 425 г. до н.э. он перебрался из Афин в Фурии, а вернулся обратно лишь после сицилийского фиаско 413 г. до н.э., когда пребывание в Великой Греции для сторонника афинянина становилось попросту небезопасным. Каковы были причины его отъезда – политические (все-таки панэллинские Фурии были одним из главных «проектов» Перикловой демократии), культурно-образовательные (но зачем тогда было покидать Афины, «школу Эллады»?) или все-таки экономические? Трудно сказать, но, во всяком

---

²⁵ Известно, что метеки входили даже в состав гетерий, которые, на первый взгляд, являлись объединениями, включавшими только афинских граждан (о гетериях см. Суриков 2011а, 215 слл., со ссылками на предшествующую литературу). Упоминается в контексте, связанном с гетериями, например, метек Тевкр в 415 г. до н.э. (*Andoc. I. 15* и др.). См. Aurenche 1974. К сожалению, С. Мансури вообще не касается такого интересного вопроса, как роль метеков в гетериях.

²⁶ Во всяком случае, влиять напрямую. Механизмами косвенного влияния на политику богатейшие метеки в IV в. до н.э., безусловно, обладали (в частности, посредством политиков, зависевших от них материально). Метек Пасион, бывший раб, будучи крупнейшим в Афинах трапезитом и сколотив колоссальное состояние, вполне мог заставить людей такого ранга, как Демосфен, лоббировать его интересы. Увы, и этот интересный вопрос Мансури тоже не рассматривает, Пасиона даже не упоминает.

²⁷ Farrar 1989.

²⁸ См. к проблеме также Raaflaub 2006; Никитюк 2008.

²⁹ См. к проблеме Usher 2007.

³⁰ Ср. Суриков 2010, 49 слл.

случае, к 404 г. до н.э. Лисий на паях с братом имел солидный бизнес (оружейную мастерскую), и даже когда этот бизнес отобрали «Тридцать тиранов», будущий оратор был еще в состоянии оказать существенную финансовую помощь демократам Фрасибула.

Все-таки нужно сказать спасибо автору рецензируемой книги за то, что он привлек должное внимание к фигуре Лисия, часто не в полной мере учитываемой в рамках дискурса о классических Афинах. В частности, весьма дельным представляется нам следующее наблюдение С. Мансури (С. 120 слл.). Среди произведений Лисия сохранился эпитафий, надгробная речь (Lys. II). Об этом интересном жанре в антиковедческой науке написано немало³¹. До нас дошли эпитафии, принадлежащие Периклу (в пересказе Фукидида), Горгию, Демосфену, Гипериду. Традиционно памятники такого рода содержат прославления граждан, погибших в боях за отечество. Характерная отличительная черта именно лисиевского эпитафия – то, что его автор, говоря о доблести граждан, не забывает упомянуть, хотя бы кратко, и о метеках (Lys. II. 66), несомненно, потому, что сам к ним принадлежал.

В начале заключения (С. 127–141) автор вкратце суммирует те идеи, которые он высказывал в основной части монографии и которые, в общем, сводятся к тому, что метеки были в достаточной мере интегрированы в политическую жизнь афинского полиса, не отчуждены от нее, не ограничены исключительно своими экономическими интересами. «Мы хотели бы настойчиво повторить снова и снова: метеков, этот homo politicus, отличается... интересом к афинской политической жизни» (С. 136). К таким метекам, как Лисий, это, бесспорно, относится в полной мере. А к основной массе метеков? Не думаем. С. Мансури несколько увлекся и перешел на почву субъективности. Он начал писать что-то вроде «апологии метеков». Зачем он это сделал – становится ясным буквально через несколько страниц. Дело в том, что во второй части заключения (С. 141–156) историк античности внезапно уступает место человеку, заинтересованному главным образом дискуссиями, протекающими в нашей современности и по современным же вопросам.

Автор подробно разбирает речь, которую произнесла в 1990 г. во французском парламенте М.-Ф. Стирбуа, депутат от лепеновской партии «Национальный фронт». Дама-парламентарий, выступая против внесенного коммунистами законопроекта, направленного на борьбу с ксенофобией, активно апеллировала к трудам Платона и Аристотеля³², в которых утверждается, что чрезмерное присутствие чужеземцев (мигрантов, как теперь говорят) безусловно вредно для любого государства. С. Мансури, проецируя на современность отстаиваемый им образ «всецело положительного» греческого метека, остро полемизирует со Стирбуа, указывает, что уже в античности отношение к переселившимся в данное государство иноземцам (и отношение иноземцев к государству, в которое они переселились) могло быть вполне позитивным и конструктивным. Эту часть его труда мы не комментируем, поскольку твердо убеждены, что изыскания в области античной истории не могут и не должны непосредственно служить насущным политическим нуждам. Мы были бы очень огорчены, если бы оказалось, что целая монография написана ради того, чтобы обосновать полтора десятка страниц, написанных в духе злободневного публицистического памфлета. Мы очень надеемся, что это не так.

Подводя окончательный итог, отметим: несмотря на имеющиеся недостатки (основные из них были разобраны выше, по ходу рецензии), книга С. Мансури может принести определенную пользу читателю, приступающему к изучению круга вопросов, связанных с метеками (особенно учитывая, что по этой проблематике в целом написано не так уж и много). Но для более глубокого и объективного понимания этого круга вопросов, безусловно, после ознакомления с рецензируемой монографией необходимо перейти к более серьезной литературе.

Литература

1. Видаль-Наке П. 2012: Атлантида: Краткая история платоновского мифа. М.
2. Никитюк Е.В. 2008: Фукидид и афинская демократия // Мнемон. 7, 119–134.
3. Суриков И.Е. 2005: ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 1, 15–33.
4. Суриков И.Е. 2006: Остракизм в Афинах. М.
5. Суриков И.Е. 2008: Ре-актуализация и ре-интерпретация опыта античной демократии в исторических исследованиях на современном этапе // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век / Л.П. Репина (ред.). М., 349–351.

³¹ См. хотя бы: Loraux 1981; Ziolkowski 1981; Суриков 2011б, 161–178.

³² А также известного французского антиковеда Г. Глотца. Как замечает С. Мансури (С. 145 слл.), националистка сознательно-провокационно привлекла себе в «союзники» ученого еврейского происхождения, писавшего в первой половине XX в. и пользовавшегося принятыми тогда (но часто не приветствуемыми в наши дни) выражениями.

6. Суриков И.Е. 2010: Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // Из истории античного общества. 13, 37–60.
7. Суриков И.Е. 2011а: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.
8. Суриков И.Е. 2011б: Очерки об историописании в классической Греции. М.
9. Суриков И.Е. 2012а: Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.
10. Суриков И.Е. 2012б: Война как фактор политогенеза в архаической и классической Греции: к вопросу о направленности воздействия // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза / Е.А. Мельникова (ред.). М., 240–245.
11. Щербенок А. 2005: Деконструкция и классическая русская литература: От риторики текста к риторике истории.
12. Эпштейн С.М. 2009: К вопросу о рабском труде в афинском общественном строительстве // ВДИ. 4, 42–62.
13. Adak M. 2003: Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.). München.
14. Aurenche O. 1974: Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C. P.
15. Buitron-Oliver D., Camp J.M. 1993: Exhibition Catalogue // The Birth of Democracy: An Exhibition Celebrating the 2500th Anniversary of Democracy / J. Ober, C.W. Hedrick (eds.). Washington, 28–148.
16. Clerc M. 1893: Métèques athéniens: études sur les conditions légales, la situation morale et le rôle social et économique des étrangers domiciliés à Athènes. P.
17. Epstein S. 2010: Attic Public Construction: Who were the Builders? // Ancient Society. 40, 1–14.
18. Farrar C. 1989: The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Camb.
19. Garnsey P. 1989: Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Camb.
20. Hansen M.H. 1989: The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen.
21. Irwin E. 2005: Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Camb.
22. Loraux N. 1981: L'invention d'Athènes: Histoire de l'oraison funèbre dans la cité classique. P.
23. Nagy G. 2003: Homeric Responses. Austin.
24. Nagy G. 2010: Homer the Preclassic. Berkeley.
25. Ober J. 1989: Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton.
26. Ober J. 1998: Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton.
27. Ober J. 1999: The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton.
28. Ober J. 2008: Democracy and Knowledge: Innovation and Learning in Classical Athens. Princeton.
29. Ober J. 2009: Why I Study Ancient History, and Why I Suppose it Matters // A Companion to Ancient History / A. Erskine (ed.). Oxf., 1–3.
30. Raaflaub K.A. 2006: Thucydides on Democracy and Oligarchy // Brill's Companion to Thucydides / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds). Leiden, 189–222.
31. Rhodes P.J. 2003: Ancient Democracy and Modern Ideology. P.
32. Taylor M.C. 2002: Implicating the *Demos*: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred // JHS. 122, 91–108.
33. Usher S. 2007: Lysias and his Clients // Oxford Readings in the Attic Orators / E. Carawan (ed.). Oxf., 27–36.
34. Watson J. 2010: The Origin of Metic Status at Athens // The Cambridge Classical Journal. 56, 259–278.
35. Whitehead D. 1977: The Ideology of Athenian Metic. Camb.
36. Ziolkowski J. 1981: Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches in Athens. N.Y.

И.Е. Суриков,
 доктор исторических наук,
 главный научный сотрудник
 Института всеобщей истории РАН,
 главный научный сотрудник Нижегородского
 государственного университета им. Н.И. Лобачевского